

17.059к 7

И. МАЙОРОВ

ВАСИЛИСИН
КООПЕРАТИВ

ПОВЕСТЬ

1

2

2

7

ЦЕНТРОСОЮЗ-МОСКВА

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Воскр. тнв. Т. I явл. З. 212—78

Д. Семеновский

И. МАЙОРОВ

ВАСИЛИСИН

КООПЕРАТИВ

ПОВЕСТЬ

*Михаилу Дмитриевичу
Семановскому
12-V-27
Москва*

*Худож. Габриэль
В. В. Майоров*

1 9 2 7

ЦЕНТРОСОЮЗ—МОСКВА

И. Майоров

-- 2010

К 17059

67
с. 12

Ивановская обл.

Отпечатано в типографии
Центросоюза в количестве
10.000 экз. Москва, Дени-
совский переулок, д. № 30.
== Главлит № 85308. ==

53

I.

Андрей приехал из города пьяный...

Была ночь. Ребятишки.—Дуняшка с Васюткой,—спали на широкой лавке у стола. У них в ногах калачом свернулась кошка. На столе мигала лампа,—Василиса поджидала мужа.

Он ввалился в избу с кнутом в руке. Сердце Василисы сжалось. Андрей хочет бить... Недобрыми глазами, с нехорошей усмешкой он в упор,—точно гвоздь вогнал в сердце жены,—взглянул на Василису.

Угрюмый, молчаливый,—когда был трезв,—Андрей делался сварлив, напившись. Глаза чернели, щеки бледнели, судорожно кривился рот,—верные приметы, что Андрей начнет измываться.

За последнее время он пил больше и Василису бил все чаще. По делам сельского кооператива, в котором Андрей заведывал торговыми делами, он несколько раз в месяц ездил в город, иногда вме-

---

сте с приказчиком Тимофеем Куликовым. По слухам, он там шибко гулял.

Гулять на свои деньги не запретишь, а в кооперативе все было в порядке. Поэтому мужики не обращали внимания на бражничанье Андрея. Пьян, да умен,—значит, два угодья в нем. Мужики дорожили Андреем за его большие способности в торговле, самым грамотным на селе—кроме попа с учителем—и понимающим во всяких других делах.

Кооператив стоял крепко. В лавке было обильно товаров, потребных крестьянству, цены доступны, обращение с покупателем хорошее, приказчик расторопный. А коли так, незачем думать плохое о человеке. Самое главное, ревизьи не находили сличений. Другие члены правленья были лодыри, Андрей старался для общества. За это ему говорили спасибо и платили тридцать пять рублей жалованья.

Василисе лучше других было известно, что Андрей не вор. Он ни разу не принес домой нитки краденой. И в хозяйстве не прибавилось, когда ему вверили торговые дела. Проходили месяц за месяцем его службы в кооперативе, а в дому и во дворе все было прежнее, нажитое до службы. Две коровы, лошадь Мальчик, старая телега, разбитый тарантас.

Все хозяйство держалось на ее крепких молодых плечах. Занятому торговлей Андрею было не-

---

когда заботиться о доме. Он нанимал жене помощников в пахоту, на сенокос, в жнитво. А сколько чего уродилось и собрали, не интересовался. Он отбивался от крестьянства, свалил на жену все тяготы.

Василиса не роптала на работу. Она шутя справлялась с хозяйством, не отставала от других, даже если самой приходилось пахать и косить. Обидно было за побои мужа. Синяки не сходили с ее боков, спины, плечей.

II.

Не выпуская кнута из руки, Андрей с размаха сел на кошку. Та взвыла, он поднялся, оскалил зубы и швырнул кошку к двери.

— Детей раздавишь — тихо сказала Василиса. — Уйди с лавки.

— Не твое дело, ма-а-алчать! — приказал Андрей. — Кто в доме хозяин?

— Ложись спать, — сказала Василиса. — Поздно. Ребятишки напугаются.

— А кто в доме хозяин? — повторил он настойчиво.

— Ты хозяин, — ответила она. — Не надо кричать.

— В-ррешь, я не хозяин, — скрипнул зубами Андрей. — Хозяин — ты! Ты всем в доме распоряжаешься. Думаешь, я не вижу? Я все вижу. Все!

Его кулак упал на стол, лампа подпрыгнула, дети заворочались.

— Перестань!—взмолилась Василиса.

— На каком основании командуешь домом?—сдвинул он брови.—По какому праву? Ты кто такая есть?

— Будет, Андрей.

— Мой дом,—гаркнул он.

Дети проснулись. Полуторогодовалая Дуняшка заплакала.

— Разбудил!—в отчаяньи воскликнула Василиса.—Мучитель!

— Ш-што-о-о?—поднялся Андрей с лавки.—Ты кому такие слова? А? В-вот тебе за это!..

Василиса охнула и присела к полу под ударом кнута.

— Милые, как больно!—всхлипнула она.—Что я тебе сделала?

Кнут снова поднялся к потолку и опять упал на ее плечи.

— Не надо, Андрей!—в ужасе закричала она.

Ребятишки заревели. Дуняшка свалилась с лавки, поползла к матери. Четырехлетний Васютка повис на руке отца, силясь вырвать кнут. Оттолкнув сына, Андрей начал стегать жену, рвать на ней платье, пинать сапогом. Разодранная рубашка с'e-

---

хала с ее плеч, обнажив красные рубцы на белой спине.

— Я хозяин! Я хозяин! Вот тебе!—в бешенстве хрипел он.

Взвизгнула и задохлась в плаче Дуняшка, огонь скакнул на пол и потух. Один удар кнута пришелся по ребенку, другой сбил со стола лампу.

— Разбойник! — вскочила Василиса.—Зверь проклятый!

В ней вспыхнул гнев за дочь. Мускулистыми, закаленными в работе руками она изо всей мочи толкнула Андрея в грудь. Загремел стул, Андрей полетел через него и грохнулся на пол.

Она дикой тигрицей прыгнула на него и стала бить кулаками и парпать ногтями. Растерявшись, он сначала не защищался, а потом, пытаясь вырваться, укусил ее в плечо и с размаха ударил локтем в лицо. Однако, маленькая, проворная, как обезьяна, женщина оказалась сильнее рослого мужика, ловчее в единоборстве с ним на полу погрузившейся во мрак избы, под крики детей, которые трепетали за мать, не видя, что побежден отец.

Ощупью, сорвав со стены веревку, Василиса вязала загнутые за спину руки пьяного, обессиленного мужа. Он хрипел от злобы, изрыгал брань, требовал освободить. Она, молча, быстро связав ему руки, спеленала его ноги утирачем, который висел около рукомоивника.

III.

Когда рыжий петух с черным хвостом вывел со двора на улицу свое куриное семейство и, вскочив на жердь палисадника перед окнами избы, пропел утреннее приветствие хозяевам, последние не услышали его, занятые необычным в этой избе разговором.

— Развяжи меня, Василиса,—просил Андрей, лежа посреди пола.

— Не развяжу,—сурово ответила Василиса, разглядывая в зеркальце лицо красивой женщины с припухшими от слез глазами и кровавой коркой на щеке.

— Руки затекли, развяжи, сделай милость.

— Поменьше махал бы руками,—спокойно сказала Василиса.

— Ну, ноги развяжи. Онемели.

— Не проси.

— Васена, больно мне!

— Мне больнее.

— Долго ли же так валяться на полу буду?

— Народ встанет, придет и развяжет.

— Василиса, не делай срама!—простонал Андрей.

— Сам виноват,—жестко сказала она.—Не по нраву жена, искал бы другую. Через край хватил,

---

Андрей Иваныч. Пересолил варево. Сыта. Спасибо, накормил жену.

— Василиса, я больше не буду. Развяжи. Помиримся давай!..

— Раньше надо было думать об этом.

Не глядя на мужа, она заботливо наклонилась к спавшим ребятишкам. Под правым глазом Дуняшки вздулся черный синяк.

— Всех изукрасил,—судорожно вздохнула Василиса.

— Не сердись, Василиса... Вино виновато. Со всяким может случиться. Развяжи!

— Не проси!

— Ну, ладно,—пригрозил он, сверкнув белками.—Не век буду связанный. Когда развяжут, держись, сволочь! Припомню!

— Я это знаю. Только не придется, Андрей Иваныч, тешиться...

— Придется, дьявол!

— Ой-ли?

Василиса, упершись руками в крутые бедра, вспыхнула и дерзко, зло засмеялась. Ее большие серые глаза прищурились. Она вызывающе, дразня своим безстрашием, смотрела на мужа с презрением.

— Нешто развязать?—подошла она вплотную.—Развязать и кнут подать? Мало, мол, бил, бей еще. А?

Он побагровел от злобы и натуги, пытаясь вывернуть руки из веревок. На лбу выступил пот, из груди вырвался хрип.

— Не старайся, не вырвешься,—обнадежила она, играя глазами.—А вырвешься, все равно не боюсь. Не боюсь! Нынче по головке не погладят за псоби. Найду, кому пожаловаться.

— Зарежу!—в бессильной ярости зарычал Андрей...

— Руки коротки, Андрей Иваныч,—насмешливо покачала она головой.

За окнами щелкнул пастуший бич. Затрубели горластые коровы. Заскрипели ржавыми петлями ворота в соседних дворах.

— Полежи, отдохни, пока скотину сгоню,—сказала Василиса и неспеша вышла из избы.

IV.

Отец Спиридон, местный духовный пастырь, с парой удочек и жестяным ведрком вышел из дома, намереваясь перед утренним чаепитием развлечься набегом на плетву.

Трижды перекрестившись на серебряные кресты церкви во имя бессребренников Козьмы и Дамиана, он накрыл розовую плешь соломенной шляпой и направился к реке за гумнами.

Но сегодня ему не суждены были сладости рыбной охоты. Он услышал топот позади.

Слома голову, за ним бежал приказчик кооператива, Тимофей Куликов, узкоплечий, узколобый человек.

— Батюшка! Беда!—известил он, догнав отца Спиридона.—Я к вам. За советом.

Тяжело дыша, приказчик сделал из ладоней лодочку, которую приблизил к животу отца Спиридона.

— Благословите!

Приставив удильники к стене ближнего сарая, батюшка осенил воздушным крестом приказчиковы ладоши.

— Какая беда?—спросил он.

— Вы за рыбкой?—произнес с сожалением приказчик.—Потолковать бы надобно...

— Давай потолкуем, рыбка подождет,—согласился отец Спиридон.

Они сели на травке.

— Прямо несчастье, отец Спиридон,—начал приказчик.—Василиса Андрюху Топоркова бросила. Можно сказать, бракосочетались по вере, при паникадиле, и вдруг бросила. Не желаю, говорит, больше вместе. Желаю, говорит, одна, самостоятельно. Без мужа, отец Спиридон! Каково?

— Нарушено святое таинство брака,—вздыхнул отец Спиридон.

— Вот-вот,—поддакнул приказчик.—В вик бегала Василиса. Всех на ноги подняла. Доказала на Андрюху. Бил, мол, боем. Она его связала, отец Спиридон! Ей богу, не вру!..

— Далила поступила с Самсоном таким же способом,—уведомил собеседник.—Когда Самсон заснул, Далила взяла ножницы и остригла его.

— При понятых развязывали Андрюху,—продолжал приказчик.—Там у них сейчас власти в избе. Следствие...

— Вишь ты,—покачал головой батюшка.—По советски действуют...

— Отец Спиридон, выручи!—сказал приказчик жалостно.

— А что я могу?

Батюшка растопырил руки:

— Не постигаю!..

— А ты постигни. За мной не пропадет. Сходи к этой паскуде. Патрахилью накрой, водичкой покроши. Бабы любят это. Смири ее. Убеди! Всевышний, мол, не оставит без внимания такова фахта. Накажет. Вели, чтобы замирилась с Андрюхой.

— А ты что хлопочешь?—спросил отец Спиридон.—Не твоя жена.

— Шум шумит,—сказал приказчик грустно.—Подрыв кредиту для нас с Андрюхой. Сомненья не вышло бы... Дескать, пьянствовал Андрей. А на какие средства крутит? Случалось, вместе мы бало-

---

вались. Ага, скажут, с приказчиком снюхались. То, да се. Подозренья разные.

— Гм, понимаю,—сообразил отец Спиридон.—Наветов робеешь?

— Вот-вот. Образумь ее, батюшка. Залей шум. За мной, право, не пропадет.

— Обдумать надо.

— Будь другом, обдумай!

— Грехи наши тяжкие,—причмокнул губами батюшка.—Времячко! Восстали сын на отца, жена на мужа. Правильно выражено в писаньи: приходят дни, когда начнут говорить горама—падите на нас, и холмам—покройте нас...

— Со службы ни за что слетишь,—присоединился приказчик.—Нашумела, стерва!.. Образумь ее поскорее! Обдумай!

— Обдумай то, обдумай это,—задумчиво пропел отец Спиридон.—Голова кругом. Своих забот не оберешься. Вчера, например, пшеничная мука кончилась. Следственно, без пирогов отец Спиридон с семейством. Сахарный песок на исходе. Следственно, в скорости чай пей без удовольствия...

— Я принесу, что требуется,—посулил приказчик.—И чаю, и сахару, и муки. Только поскорей обдумай...

— Ладно. — решил отец Спиридон. — Быть по сему.

V.

Связав мужа, Василиса всю ночь ломала голову, как ей поступить. Остаться с Андреем после такой драки было невозможно. При первом случае Андрей сторицей оплатит жене за унижение.

В эту ночь беспросветная бабья жизнь встала перед ее глазами жуткой картиной.

Василиса взгляделась в свое прошлое и застонала от тоски.—горшей, чем боль в изрезанной кнутом спине. Словно в дремучий и страшный заколдованный лес попала она и, потеряв дорогу, билась головой о мокрый от слез стол.

Измученный поединком с женой Андрей сладко всхрапывал под рыданья Василисы. На полу возле него валялись клочья ее одежды, разбитая посуда, осколки лампового стекла, опрокинутые табуретка, стул и новый ременный кнут, которым Андрей сек Василису...

Под утро она твердо решила уйти от мужа. Родных у Василисы не было, с двоими ребятами жизнь будет несладка среди чужих людей, но с Андреем она не видела все равно никакой сладости. Сейчас он омерзел ей, как гниющая падаля. Она с отвращением смотрела на его раскрытый мокрый рот, над которым кружили мухи. Воздух в избе был проспиртован винным перегаром из его пасти. Василиса сплюнула и распахнула окно, жадно глотая свежий запах березовой зелени...

В Больших Ершах—богомольном, благочестивом селе—не было ни одной семьи, где жена посмела бы восстать против мужа. Почти во всех семьях мужики в кулаке зажали своих баб и бабы подчинялись этому безропотно и спокойно. Пока хватало сил, Василиса так же терпеливо несла свою бабью ношу. Но сегодня неожиданно для себя бессловесная раба взбунтовалась.

— Будь, что будет,—прошептала она, упрямо сдвинув тонкие темные брови.

Нечего бояться нужды. Она умеет работать не хуже мужика, а в больших хозяйствах на селе многие нанимали работников со стороны.

Трудней была задача насчет детей. Она боялась, что Андрей отнимет у нее ребятишек, не уверенная, что сельские власти встанут на ее сторону. У Андрея везде были друзья-приятели. После долгих размышлений она надумала посоветоваться с самим председателем вика, Кузьмой Кузьмичем. Он человек влиятельный, партийный и, по молве, справедливый...

Неприятна была огласка семейного скандала. Не любила Василиса выносить сор из избы. Краска стыда бросилась в ее щеки, когда подумала она, как ославят ее на все село, если она бросит мужа. Но, взглянув на синяк дочери, она повторила:

— Будь, что будет!..

VI.

Ранним утром около избы Андрея собралась огромная толпа. Как на базаре, стоял гам в Больших Ершах. Мужики, бабы, парни, девки, ребята толкались перед окнами. Бабы настроены были очень воинственно. Мужики сконфуженно побрякивали. Женские голоса кричали:

— Так и надо!

— Привыкли мытарить!..

— Молодец, Василиса!..

Мужские голоса переговаривались потихоньку:

— Неужто осилила?

— Связала!

— Н-но-о?

— Кхы-мм, гм. Разные бабы бывают...

В избе волостной милиционер и председатель вика допрашивали угрюмого Андрея. Побледневшая Василиса, прижав к себе испуганных детей, сидела возле стола, на котором милиционер писал в тощей тетради. Чадя козьею ножкой, предвика, суровый мужик с деревяшкой вместо правой ноги, говорил:

— А дитю за что?

— Нечаянно,—хмурился Андрей.

— А жену за что?

— Не помню. Выпивши.

— Хорошее дело,—усмехнулся председатель

вика.—Точно бы из передовых, в кооперацию вы-
бран, а дома контрреволюцию сеешь. Трещалов, по-
меть в книжку кнут. Вещественно доказательство..
Ну-с, как же дальше, Андрей Иванович? Какие меры?

— Дело не мое,—деревянно ответил Андрей.

— Супружницу-то куда? Ей жительство тре-
буется.

— Пущай живет. Я не выгоню. Она сама...

— Не хочу вместе,—заявила Василиса.

— А куда денешься?—исподлобья, пасмурно
посмотрел Андрей.

— Бабушка Зайчиха меня пустит к себе.

— Убирайся, коли так. А ребятишек куда?

— Возьму к себе.

— Не имеешь права.

— Дурак,—выругался, не стерпел, председа-
тель.—Она засудить может тебя, а ты споришь.
Молчал бы лучше. Какую бабу-то пропил!..

Василиса густо покраснела от неожиданной по-
хвалы.

— Бери себе это золото,—скривил губы Ан-
дрей.—Владей, пока другие не захватили ее. Такое
золото у нас любят. Даровое!

— Что-ж, может найдется человек почище те-
бя,—спокойно заметил председатель.—Не каждый
швыряется такими кусками.

— Говядинки свеженькой захотелось?—още-
рил усы Андрей.

— Сам искобенил жизнь, а сердишься на других,—мстнул головой председатель.—На себя пеняй за вдовство.

Поймав на себе враждебный, грозящий взгляд Андрея, Василиса сказала:

— Не велите ему принуждать меня, Кузьма Кузьмич. Он давеча страшал ножами.

— Ну, матушка, на этот счет не тревожься,—сказал председатель.—Советская власть не таких коней об'езжала... А насчет имущества как, Андрей Иваныч? Делиться станешь с женой? Ей без имущества негоже будет...

— Бери, не жалко,—глухо ответил Андрей и уронил на ладонь лохматую голову.

Он устал от неприятного разговора.

VII.

Под парусиновым зонтом, прячась от солнышка, отец Спиридон вразвалку подошел к древней, с продавленной крышей, избе около пруда. На заваленке грела свои кости полуденным припеком Зайчиха,—бабка закатного возраста, в меховой истертой шубе и подшитых валенках.

— Мир дому сему,—возвестил отец Спиридон.

Куриные веки дремлющей старухи дрогнули, поднялись. Плавающими в мутных слезах глазами Зайчиха воззрилась на соломенную шляпу.

— Всякое дыхание да хвалит господя,—продолжал батюшка, обмахиваясь платком, в который можно было завязать не меньше полсотни яиц.— Распречудесная погода и каждое творенье создателя радуется оной, Дарья Петровна.

— Ась?—откликнулась бабка, приложив ладонь к уху, похожему на шляпку сушеного гриба.

— Здравствуй,—прокричал батюшка, нагнувшись к ней.—Отец Спиридон с тобой!..

Зайчиха приветливо заулыбалась. Батюшка сел возле старухи.

— Иду мимо, вижу—Дарья Петровна. Побеседую, думаю, с почтенной Дарьей Петровной. Праведная женщина, многие ей лета!

— Пошли тебе господи за ласку,—отблагодарила старуха.

— Не хвораешь?

— Жду смерти, батюшка. Помирать пора, досыта нажилась.

— Зачем помирать?—благодарно возразил отец Спиридон.—Вон какую благодать создал промышленитель. Птички, цветы, солнышко, зефиры сладостные.

— Озябла, в земле теплее будет,—сказала с улыбкой Зайчиха.

— Отогреем. Завтра за твое здоровье просвирку выну. Не угашай духа. Господь сам указывает сроки. Не искушай его нетерпением. Все там будем. Успеет-

---

ся. Молись побольше. Изба у тебя просторная, никто не мешает. Благодать! Ты, да бог и больше никого в избе нет...

— Есть, есть, батюшка,—перебила старуха.— Теперь я не одна. Теперь мне весело.

— Не одна?—поднял брови отец Спиридон.— Кто же с тобой?

— Васенушка с ребятишками, Андрейкина жена. Ушла она от него. Бьет шибко. Вся в синяках пришла. В ноги бросилась. Пусти, говорит, к себе. Утоплюсь, говорит, житья не стало, ежели не пустишь. Андрюшка дитю изувечил. А Васенушку как изувечил! Бабочка то какая! Словно кубарик круглая, хорошая, красовенная. За что, дурак, обидел бабочку? Шустрая, работающая, лицом не сыскать ровни ей. А вот поди-ж ты!..

— Погоди,—остановил батюшка.— Следственно, ты допустила ее в свой дом?

— Да.

— Мужнину жену?

— Да.

— А муж согласен на это?

— Не знаю. Не спрашивала мужа. Чего спрашивать? Дитю изувечил, Васену замотал. Нешто муж это? Пилат!

— Постой, постой,—положил свою теплую руку отец Спиридон на холодную ладонь старухи.—

Давай обсудим. Сказано! Господь сочтает человек не различает. Верно ли сказаны сии слова?

— Тебе видней батюшка.

— Отлично! Что же значат эти прекрасные слова?

— Невдомек мне, батюшка.

— Тягчайший из всех грехов сотворила ты перед смертью,—торжественно объявил отец Спиридон.—Разлучаешь живого мужа с живой женой. Семью разбила, детей без отца оставила... Неразумной жене потакаешь!!!... Блуду земному споспешествуешь!!!... Ужасный грех, Дарья Петровна! Не отмолишь...

— Неужли? — ахнула испуганная старуха, всплеснула руками и закрестилась:—Господи помилуй, что я наделала!.. Чем же я, батюшка, согрешила?

— Допустила к себе Василису.

— А куда ей деваться было? Кому она нужна с детенками? Миленькой!.. Какой же грех пожалеть человека с малыми детенками? Я по зимам кошек чужих привечала. Как замяукает во дворе,—я ей: кис, кис, поди погрейся, дура! Гнать, что ли, мне Васену в несчастье?

— Кто велит гнать?—изумился отец Спиридон.—Отвела бы к мужу законному, помирила, уговорила. Не полагается, мол, мужа бросать, гнездо разорять.

— Да он же кнутъем ее!—в негодовании вскричала старуха.

— Это бывает в семьях. Подерутся, а глядишь—опять мирятся. Помирятся и спать вместе лягут. И потом: что плохого, если муж накажет. Сказано: иже любяй, наказует. И еще сказано: жена да боится мужа... Растолковать надлежало, Дарья Петровна, вот что!

— Не умею я таких слов, откуда мне знать, — сокрушенно вздохнула Зайчиха.—Не послушают меня... Господи!.. Что же я наделала?..

— Не плачь, не сетуй, не крушись о грехе, содеянном без зла,—назидательно сказал отец Спиридон.—Слезами горю не пособишь, а грех исправить можно.

— Как, батюшка?—обрадовалась старуха.

— Где Василиса?

— В избе. Недужится бабочке. В расстройстве она.

— Идем к ней врачевать душу и мысли,—предложил отец Спиридон.—Будь ей вместо матери... А я... я вместо родного отца выступлю. Вставай. Идем к Василисе...

VIII.

Василиса лежала на полу. Возле нее, пригорюнясь, сидели две молодые крестьянки. Одна в раздраженьи говорила:

— Ломишь с утра до ночи, в роде лошади, и все плохо. Чуть поперек сказала,—в зубы.

— Ты что тут агитацию разводишь?—приятельски подмигнул вошедший отец Спиридон.

Он снял шляпу, поставил зонт к стене и покосился на стол у окна.

На столе лежали пироги, лепешки, ватрушки, кулеченьки, ломти белого хлеба, яйца.

— Эвона, сколько провизии запасено,—весело сказал отец Спиридон.

— Приносят мне,—тихо сказала Василиса, смущенная неожиданным гостем.

— Всякое даяние благо,—сообщил отец Спиридон.

Он помолился в угол, придвинул стул поближе к Василисе, сел.

— Хвораешь, видно?

— Нет... так.. Ослабла маленько...

Дети выглянули из-за кухонной перегородки и быстро спрятались, увидев попа.

— А муж как? Здоров?—начал отец Спиридон.

— Не знаю,—зарделась Василиса румянцем стыда.

— Вот тебе раз!—засмеялся гость раскатисто.—Разве ты ему не жена? Кто же знать о муже должен?

— Я ушла... от него,—дрожащим шепотом сказала Василиса.

— Ушла?—дискантом запел отец Спиридон.—
Куда ушла?

— Вот сюда, к бабушке Дарье.

— В гости?

— Нет, совсем,—через силу выдавила Василиса.

— Свят, свят!—перекрестился отец Спиридон.—
Не верю.

— Верно, ушла,—мрачно подтвердила одна из баб.—Замучил.

— Как же ты мужа покинула одного?—обратился поп к Василисе.—Без хозяйки, ведь, дом сирота...

Две крупных, тяжелых слезы выкатились из под опущенных, длинных ресниц Василисы.

— Жить мне... с ним... плохо...

— Фьюйть, фью, фью! Новости какие!..

Батюшка, молодецки присвистнув, заржал в припадке неуголимого смеха.

— Сважите пожалуйста!.. Жить ей плохо с мужем!.. Хлестко резнула, красавица! Плохо!.. А ты жила бы хорошо. Муж да жена одна сатана. Если плохо, поправлять надо. По советски захотела? По собачьи? Снюхались, поблудили, да в разные стороны? А дети? В роде щенят, утопить их? Или в сиротский приют?

— Дети со мной.

— А муж без жены и без детей? Не жалко мужа?.. Л-ловко!

— Он не жалел Василису,—сердито молвила одна из баб.

— А тебя тянут за язык?—повернулся к ней поп.—Спрашивают тебя? О своем муже заботься. Чужих мужей не касайся. Исповедаться будешь, эпитимью наложу. Сто поклонов заставлю отбить. Либо двести. Поняла?

— Чего я сделала?—спросила баба.—За что эпитимью?

— Не совращай ближнего твоего!..

Отец Спиридон погрозил бабе пальцем. Та сказала настойчиво:

— Василиса, покажи ему плечи. Пусть полюбуется...

— И опять не в свое дело суешь нос.—строго сказал отец Спиридон.—Не тебя били? Ну, и не жалуйся.

Василиса слушала их спор, закрывши глаза. В избе было жарко, но она дрожала в ознобе от поповых речей.

— Милые бранятся, только тешатся,—зажурчал он над ее ухом.—Допустим, ушиб муж тебя. Что из того? Тело заживет. Душу погубишь, если тело предпочтешь душе бессмертной и вечной.

Каждое его слово причиняло Василисе такую же боль, как кнут в руках мужа. Она до крови за-

---

кусила губы. Ей хотелось зажать уши, чтобы не слышать гостя.

Не замечая ее страданий, он безжалостно шил ее, доказывая присутствующим великое преступление Василисы, нарушившей законы божеские. Он предрекал гибель ее потомству. Он предсказывал, что без мужа Василиса начнет распутничать с мужиками Больших Ершей и еще разорит не одно гнездо. Он подкреплял свои слова словами священного писания, которые подбирал так искусно, что бабушка Зайчиха непрестанно крестилась, запуганная неизбежной расплатой на том свете за милосердие к Василисе.

А Василису начала трясти лихорадка от обиды и гнева на пола, ни во что не считавшего ее страданий. Ее локти и пятки выбивали на полу деревянную дробь.

Наслаждаясь этой очевидной силой своих слов, отец Спиридон вдохновился еще больше. Он начал сравнивать Василису с худой травой, которую необходимо выполоть ради спасения благочестивого села Большие Ерши. Детей ее необходимо отнять у матери, если она не возвратится к мужу. Она научит детей разврату...

Василиса не выдержала этой пытки, как не могла перенести истязанья кнутом. С искаженным лицом, сверкая горящими в бешенстве глазами, она вскочила вдруг на ноги и, стоя в одной рубашке.

полуголая, иссеченная кнутом, страшная от кровавых полос на шее, на плечах, на груди, подняв над поповой плешью покрытые синяками руки она в иступленьи пронзительно закричала:

— Врешь, окаянный! Уйди! Не отдам детей! Не распутница я! Врешь, врешь!...

— Убирайся отсюда!—приказала попу одна из баб, потрясенных ужасным зрелищем.

Отец Спиридон до того растерялся, что позабыл в избе Зайчихи свой зонт, соломенную шляпу и позолоченную табакерку, из которой заряжал свой большой нос большими щепотями нюхательного. Он вылетел из избы бабушки Зайчихи и бегом ударился вдоль улицы.

Встречные мужики и бабы, с недоумением глядя ему вслед, спрашивали друг друга:

— Что случилось с отцом Спиридоном?..

IX.

Сидя на мешке с подсолнухами, Андрей сердито глядел на двух девок, которые замешкались в лавке—прилипли к пестрым ситцам. Видя его нетерпеливые движения досады, приказчик торопил покупательниц:

— Скоро ли? Резать, что ли?.. Словно избу покупаете, право!.. Берите вот этот...

— Вот этот лучше—колебались девки.

— Тогда этого отрежу.
— Погоди, вон тот покажи...
— Довольно с вас,—решил приказчик.—Надое-
ло канителиться...

— Показывай! Не своим торгуешь,—окрыси-
лись девицы.

Наконец, они выбрали по вкусу. Чтобы отде-
латься от них, приказчик соросил с цены двугри-
венный. Очень довольные этим, девушки ушли.

— Дай два червонца,—поспешно сказал Ан-
дрей, подходя к прилавку.

— С почтеньем,—Андрей Иваныч,—ответил
приказчик,—в город?

— Угу,—кивнул Андрей.

— Повременил бы, Андрей Иваныч,—озабочен-
но сказал приказчик.—Опасно теперь. Задуматься
народ может. Разговоры всякие неприятные нач-
нутся. Лучше бы дома ты... У меня бутылочка-дру-
гая есть в запасе...

— Не твое дело,—упрямо проворчал Андрей.—
Дай два червонца...

— Андрей Иваныч, я, ведь, для твоей же поль-
зы. Мне денег не жалко. На, бери. И с почтеньем.
Только советовал бы воздержаться. Очень уж вы с
Василисой на шумели.

— А тебе какая печаль?—нахмурился Андрей.

— Мое дело сторона,—покорно согласился при-
казчик.—Как угодно...

— Ключ от избы у твоей бабы,—сообщил Андрей, направляясь к двери.—Там за коровой ежели придут, скажи, чтоб выдала корову Василисе. Дня два в отлучке буду. Передай правленью. Хорошенько тут... С какой стати двугривенный сейчас проторговал?..

— Ничего не значит,—успокоил приказчик.— Я им из лоскута отпустил... Да!—хлопнул приказчик ладоней по лбу.—Чуть не позабыл, Андрей Иваныч!.. Расписочку то! Двадцать рублей опасная сумма. Не подумали бы чего...

— После,—отмахнулся Андрей.—В городе ничего не надобно?

— Колбаски не мешало бы похлопотать,—сказал приказчик, хозяйским глазом окидывая полки.— Всю до кусочка распродали...

— Ладно, доставлю,—рассеянно сказал Андрей.—Сколько?

— Полпудика хватит...

— Прощай,—быстро произнес Андрей, увидя входящего покупателя.—Через день-два вернусь.

Х.

— Куда он?—спросил приказчика коротенький, веселый мужичок, нос пуговкой цвета малины:

— В город, Степан Егорыч. По делам службы.

— Сердитый,— заметил мужичок.

— Дела, да заботы,— участливо сказал приказчик.— Здесь— торговля, дома— безобразие. Легко ли? Бросила стерва!... Другой бы, глядишь, в таком положении плюнул в чужие дела, а он в город по делам службы...

— Насчет коперативу орудует, видать, шибко,— одобрительно сказал мужичок.

— Страсть как заботится,— подтвердил приказчик.— В мануфактуре у нас недостаток,— ну, значит, айда за мануфактурой.

— Деляга,— что тут толковать! — согласился мужичок.— А я к тебе, Тимоша? Не откажись, приятель, выручи. Сват по дороге заехал ко мне. Бутылочка нашлась, выпили, а другой нет. Огорюй, Тимоша. Гривенничек-двугривенничек лишку бери, только выручи. Вся надежда на тебя...

— Боязно, друг,— откровенно сознался приказчик.— Оно, конечно, имеется у меня на твое счастье бутылочка, к празднику берегу, только опасаясь я. Не подумали бы чего... Вином, скажут, торгует Куликов. Кузьма Кузьмич узнает, башку оторвет.

— Тимоша! — хлопнул руками по ляшкам мужичок.— За кого ты меня считаешь!... Господи исусе, да нешто дозволю я?... Мил-ла-а-ай!...

— Так и быть,— шопотом сказал приказчик, изобразив на лице раздумье.— Не ради тебя, ради твоего свата. Жалко гостя... Закуска есть у вас?

Колбаской попотчивать могу. Специально для гостей держим. Смотри!...

Приказчик достал из под прилавка толстую, длинную колбасу.

— Первеющий сорт.

— Что-ж, давай фунтик,—прельстился мужичок, облизываясь.—Вешай, куда ни шло! Не каждый день сватья бывают.

Приказчик загремел гирьками.

— Такие-то обстоятельства наши,—вздохнул он, пальцем подгоняя кверху чашку с гирьками.— Напасть у нашего Андрея Иваныча. Смешно сказать, через бабу! Через нее и пить начал. Бывало, смотрю,—повесь голову, сидит, горюет. Что с тобой, спрашиваю? Житья, говорит, не стало от бабы... Фунт с осьмой, да за вино—ну, с тебя, так и быть, полтора рубля. Всего выходит два рубля четыре копейки... Отца Спиридона выгнала, мужа бросила, баб наших с толку сбивает. Почнут теперь бабы мужей бросать...

— Не дадим, Тимоша,—уверенно заявил покупатель.

— Кабы, в науку бабам, острастка какая была Василисе,—размышлял приказчик вслух.—В таком разе можно еще надеяться. Опаматовались бы бабы. А то—с гуся вода! Мужа избил, нашумела, пона выгнала, женок совращает, в семьях раздор пошел, а мы молчок! Негоже!

— Верно, негоже,—решительно тряхнул бородой собеседник.—Прочитать следоват...

— Как ты ее прочишь?—пожал плечами приказчик.—Не бывалошно время. Она с предвиком снюхалась. Тронь-ка ее. Засудят... На, спрячь бутылку. На твое счастье не успел домой отнести. Как из города привез ее с товаром, так и дожидалась тебя в ящичке с мылом. Прячь живей, идет кто-то...

— Не засудят,—храбро сказал мужичек, получая сдачу с трешницы.—Найдем способы. Выломают ребра, а кто—ищи ветра. Не засудят!...

— Кого засудят?—заинтересовался степенный, сивоусый дядя, подходя к прилавку.

— Про Василису мы,—сокрушенно уведомил приказчик.—Восстанавливает баб против нашего брата. Сам посуды...

Приказчик начал жаловаться на Василису.

XI.

Ночью в окнах избы бабушки Зайчихи были выбиты стекла. Перепуганные дети, старуха Зайчиха и сама Василиса, забившись в угол, около печки, дрожали, слушая звон стекол под ударами тяжелой палки.

Незримый озорник, разбив последнее окно, затопал послешно сапогами по направленью к гумнам.

Василиса в замешательстве спросила свою хозяйку:

— Бабушка, из-за меня и тебе беспокойство. Может, уйти мне куда в другое место?

— Живи,—успокоила старуха.—Попа не послушала, злодеев не забоюсь. Укладывай ребяенок. Сердешные вы мои сироты! За что вам с матерью такая мука?...

Вместе с детьми Василиса уложила старуху, расстроенную неожиданным расходом на новые стекла. А сама, до утра не смыкая глаз, сторожила их сон и покой, опасливо поглядывая на черные дыры в окнах.

Днем явились предвика с милиционером. Взглянув на разбитые окна, Кузьма Кузьмич произнес:

— Гм. Трещалов, опроси потерпевших.

И, свернув огромную, толстенную цыгарку, закурил ее и напрямик пошел в кооператив. В лавке был один приказчик.

— Андрей где?—спросил Кузьма Кузьмич, не здороваясь.

— В городе по делам,—очень ласково улыбаясь, ответил Куликов.

— Когда уехал?

— Вчера днем.

— Что за оказия?—растерянно произнес предвика.—Кто же тогда у Василисы окна выбил?

— Голубчик, Кузьма Кузьмич,—запел приказ-

чик.—Андрея подозреваете? Напрасно, дорогой. Андрей Иваныч никогда не позволит. Не такой он человек, чтобы себя пачкать. Василиса сама его испачкала. Только к нему ничего не прилипнет, не замараешь Андрея Иваныча. Честнейших правил человек!...

— А чем его испачкала Василиса?—насушился предвика.

— Да как же, помилте!—загорячился приказчик.—Самое первое,—избила пьяного человека, связала, и сама же на улице зашумела. К чему это, для какой надобности, как вы думаете?

— Не знаю.

— А я знаю. Нарочно нашумела. Снюхалась с кем-нибудь и давай пакостить Андрей Иваныча, перед обществом чернить, чтобы доверье к нему подорвать.

— Болтай! Какая выгода ей так поступать?

— Дорогой Кузьма Кузьмич... да вы присядьте, в ногах нет правды. Позвольте я вам газеточку поставлю на ящик.

— Не хлопочи,—отказался предвика.—Какая же выгода Василисе?

— Оч-чень просто. Предлог к разводу. Придралась к случайному случаю и давай паскудить человека, чтобы себя оправдать.

— А синяки? А вещественно доказательство—кнут?

— Господи!—закудахтал приказчик.—А может, ей спину перешибить следоват? Башку с плеч оторвать!

— За что?—опешил предвика и даже цыгарка вылетела из его зубов.

— С горя закрутил Андрей то,—затараторил приказчик.—Расшиби громом меня, не выдумываю. Провалиться в тартарары на этом самом месте. Шлялась, шлюха!

— Н-ну?—совсем обалдел предвика.—С кем шлялась?

— А кто ее разберет. На ней любовники расписок не оставляли.

— Откуда ты это узнал? Андрей жаловался?

— Сам догадался. Андрей гордуший,—разве скажет. Стал я примечать, горюет человек. Горюет и горюет. Что за притча? Спрашиваю раз: что с тобой Андрей Иваныч?

— Ну?—вырвалось нетерпеливо у предвика.

— Молчит. Вздыхает и молчит. А сам не веселый, грустный.

— У него насчет торговли чисто?—заинтересовался сбитый с толку предвика.

— У Андрея то Иваныча? Господи боже мой! Личность первейшего сорта. Крупчатка! Ему всегда благодарность от ревизий.

— Кто же у ней, по твоему, стекла выбил?

— Супружница чья-нибудь. Проведала про му-

жа, что с Василиской путается. Как то раз вечером слышал я кое-что насчет этой бабы...

Выйдя из лавки, предвика в глубокой задумчивости направился к избе Зайчихи. Покуривая, поплеывая, он долго в одиночестве сидел на лужке против окон, не сводя глаз с дыр в окнах. Резкая морщина легла поперек его лба.

Василиса, выйдя на улицу, простодушно спросила:

— Вы что тут одни, Кузьма Кузьмич? Заходите к нам в избу.

— Нечего мне делать в вашей избе,—отрывисто сказал предвика, поднялся и пошел прочь.

XII.

Была в Больших Ершах дружная компания молодых парней и девушек,—комсомольцев. Большие Ерши недолюбливали их. Комсомольцы были беспокойный, будоражный народ. В большие годовые праздники село крестным ходом шло по улицам и непременно встречало комсомольцев с красными флагами, в сопровожденьи мальчишек, гремящих в барабаны, воющих в большой медный рог. И все орало:

«Никто не даст нам избавленья,

«Ни бог, ни царь и ни герой»...

Поп злился. Комсомольцы отвлекали вниманье богомольцев от икон в сторону красного флага.

Мужики хмурились, неодобрительно поглядывая на озорников, которые нарушали установленные дедами обычаи. Комсомольцы в канун праздника придумывали развлечения, куда валила вся молодежь, вместо того, чтобы идти в церковь, ко все-нощной.

В будни—особенно зимой—комсомольцы до свету жгли огонь в школе, где устраивали танцы-плясы, спектакли, показывали картины из железного фонаря, читали вслух разные книжки. Занятой семейными неурядицами Василисе некогда было побывать на таких вечерах. Что за народ комсомольцы, она путем не знала. Она познакомилась с ними вечером того дня, накануне которого были выбиты окна.

Баякая дочь, она услышала тяжелый скрип телеги, вставшей перед окнами. В окне появилась курчавая голова атамана комсомольцев, Мишутки Коромыслова.

— Дома ли хозяевы?—весело крикнул он.

— Чего надобно?—отозвалась Василиса.

— Дрова привезли. Куда складывать?

— Что за дрова?—удивилась Василиса.

— Стеклянные,—ответил Коромыслов.—Нелюбы стеклянные, железных доставим.

Недоумевая, Василиса выглянула на улицу, увидела огромный воз валежника и около него еще троих парней.

— Что это?—растерялась она.

— Блины с маслом,—ответил Коромыслов.—
Эх-ма, голова еловая. Разгружай, ребята, где при-
дется. Сама уберет...

Опрокинув телегу, парни проворно перетаскали
валежник к огороду и вступили с Василисой в бе-
седу.

— Кто выбил?—спросил Коромыслов, пока-
зывая на окна.

— Не знаю, темно было.

— Так. Завтра мы новые стекла вставим. Навер-
но, Андрей постарался...

— Не видала.

— Ежели обижать станет, скажи нам, Васили-
са. Мы ему накостиляем с полным нашим почтень-
ем. Мы доглядывать за ним будем. Не бойся боль-
ше. В два счета его на луну забросим. Не скучаешь
по нем?

Мишутка Коромыслов так весело и многозначи-
тельно засучил рукава рубашки и стегнул по теле-
ге кнутом, что все захохотали. Василиса не рассер-
дилась на балагура. Эти парни стали милы и близ-
ки, словно родные братья, навестившие свою се-
стру.

Расставаясь, Мишутка таинственно сообщил:

— Придумали мы с ребятами-девчатами одну
штуку. Закачаешься!

— Какую штуку?

— После узнаешь. Счастливо оставаться, Василиса Матвевна. Покорнейше благодарим за попа. Айда, братва!...

Они ввалились в телегу и, дымя пылью, укатили, шумные, горластые, беспечные.

Комсомольцы одобрили Василису. Воз валежника был свидетельством, что есть на селе люди, которые помогут ей и в нужде, и в беде. Беспешные озорники и безбожники развеселили ее усталое сердце...

Ей не спалось в эту ночь. В улицах без устали звенела гармонь, неутомимо пели молодые голоса. Она, слушая, вспоминала свою юность и ей было жалко, что родилась она раньше комсомольцев, вместе с которыми ей захотелось вдруг гулять, петь, беспечно смеяться,—отдохнуть от бабьих горей и забот.

И, когда кто-то оборвался под окнами, Василиса даже не вздрогнула. Комсомольцы не спят, комсомольцы не дадут в обиду.

ХІІІ.

Захар Петрович, председатель правленья, объявил сердито:

— Назначаю обсужденье.

Секретарь, Дема Растатуев, начал писать на чистом листе книжки протоколов. Слева вывел «слу-

шали», справа изобразил «постановили», сделал точку и воззрился на председателя:

— Чего на повестке?

— Скверность,—сообщил Захар Петрович, выкладывая на стол небольшую газету.—Послушайте ка...

Зло ткнув в газету пальцем, он прочитал:

«Гнать таких метлой из кооперации».

— Это кого же?—забеспокоился секретарь, вытянув шею.

— А вот прочитаем...

Захар Петрович неприязненно посмотрел на Андрея, который равнодушно сидел в сторонке.

В газете было напечатано, как житель Больших Ершей, кооператор Андрей Топорков в пьяном виде истязал свою жену кнутом. Сочинитель статейки извещал читателей, что упомянутый Топорков, заведая торговлей, сильно пьянствует, а правление не принимает никаких мер. На какие средства пьянствует Топорков? В газетке было подробно высчитано, какие товары и почему продаются в кооперативе.

Продажа была поставлена тонко, жители Больших Ершей незаметно для себя переплачивали копейки, из которых—как известно—складываются рубли, а рубли умножаются в зависимости от искусства сколачивающих копейки в рубли. Полторы тысячи жителей Больших Ершей, переплачивая

в год только по одному рублю каждый, все вместе теряли полторы тысячи рублей; приказчик же Куликов покрыл дом новой железной крышей, поставил новый сарай, купил велосипед сыну. Член правления Топорков льянствует, а прочие члены правления хлопают глазами. Место ли таким в советской кооперации? Не место. Гнать их!

— Каково?—Спросил председатель, складывая газету.

— Вот так дерганули—охнул секретарь.

И поспешно, дрожащей рукой занес под «слушали»:

«Слушали газету гнать таких коператыров на счет товарища Топоркова».

— У тебя в отношении сумм как дела?—хрюкнул отрывисто председатель, обращаясь к Андрею.

— Червонцев пятнадцать не хватает,—откликнулся Андрей холодно.

— Пропил?

— Пропил.

— Плохо, — вздохнул председатель.—Как же быть нам?

Настало тягостное молчанье.

— Теперь держись!—зловеще раздался в тишине голос председателя.—Тьфу, прости господи! Под суд попадешь с вами!...

Тяжелый плевок щелкнул о пол.

— Отдам ваши червонцы,—глухо сказал Андрей.

— Где возьмешь такую сумму?

— Не твое дело,—окрысился Андрей.—Лошадь продам, вот где...

— Не твое дело,—передразнил Захар Петрович.—Мое дело только отвечать, спрашивать же не моги. И не в этих червонцах суть. Для чего накидку делал? Стакнулся с Тимошкой!

— Никаких накидок не было,—резко бросил Андрей.—Зря брешут.

— Про все ноне пишут,—заметил секретарь.—Чуть махонький просмотр—чик, и пожалте... Из наших кто-то писал, ершовский.

— Чикай, — рассердился председатель.—Чикнут по затылку, другое запоешь...

Опять настала тишина, продолжительная, беспокойная. Андрей понурился, обхватив голову ладонью.

— Кончаю заседание, под ложечкой сосет,—объявил расстроенный председатель.—До другого раза. После.

Он поднялся из-за стола и схватился за бороду.

— Чего делать—не придумаю. Удавил бы я твою Василиску! Из за нее напасти начались!

— Что ты! В газету захотел!—замахал руками секретарь.—Живым манером чикнут...

XIV.

По ночам Андрей потихоньку пробирался к окнам Зайчихиной избы.

Первые дни после ее ухода он не тужил. Он был уверен, что Василиса вернется. Бабы незлопамятны, привязчивы.

Но проходили понедельник, вторник—Василиса не являлась. Из гордости Андрей притворялся на людях, что Василису он почти забыл. Но один, в опустевшей избе, тосковал по жене и детям. Его тянуло к Зайчихе и, когда наступала ночь, задворками, позади сараев он крался посмотреть на семью.

После заседания правленья, дождавшись темноты, он на цыпочках приблизился к раскрытым, уже застекленным, окнам Зайчихи. В избе тоже шло заседание. Спрятавшись за ствол старой березы, Андрей стал слушать.

У Василисы сидели десятка полтора баб, девушек, парней. Курчавый парень, комсомолец Кормыслов, запальчиво кричал на Василису, стуча кулаком по столу.

— Не имеешь права отказываться. За тебя все бабы голоса дадут.

— И мужики подбавят голосов,—сказал густой бас.

Андрей выглянул из-за березы. Свет лампы

упал на его перекосившееся лицо. Он увидел предвика, благодушно чадившего неизменной цыгаркой. Ревность ущипнула Андрея за сердце. В ушах зашумело, сидящие в избе запрыгали перед глазами.

— Да я же не смыслю в таких делах,—раздался голос Василисы.

— Нашу политику срываешь,—гаркнул Коромыслов.—Живешь новым бытом, а к старому тянешь.

— Привыкнешь, Василиса,—послышался женский голос.—Не обсевки же бабы. В других местах не такими делами ворочают.

— Ну, ладно,—сказала Василиса.—Согласна по вашему. Только после не смейтесь надо мной.

— Давно бы так,—одобрил комсомолец.—Еще кого наметим?

— А жалко мне Топоркова сшибать,—загудел бас предвика.—Умственный человек. В Красной армии вместе служили, буржуев вместе били. Свой человек. Крепко вы, мальчишки, шарахнули его в газетке. Полегче бы надо...

Андрей едва устоял на ногах от изумления, услышав о себе такую речь. Ревность моментально исчезла, он вздохнул свободно.

— Стыдно, товарищ Гуськов, не соблюдать партийную линию,—снова забурился Коромыслов.—Разложившийся элемент отстаиваешь. Не полагается!

— Никого я не отстаиваю,—спокойно возразил предвика.—Приказчик, по-моему, опутал его и баста. И меня было опутал недавно. Сначала я поверил, а как проверил, понял сразу, где пружина. И сукин же сын этот Куликов, братцы мои! Вот кого по шеям надо без проволоочки.

— А Топоркова оставить?—привскочил Коромыслов в крайнем негодовании.

— Сиди! Кочет эдакий,—осадил предвика.— Кто сказал, оставить? Не кукарекай без дела. Охрипнешь скоро.

— Василису кнутом тоже приказчик бил?—ехидно спросил Коромыслов.

— Об этом речь молчит. За это не хвалю. А что дельный мужик, тоже не забываю.

— А разбитые окна помнишь?—не унимался комсомолец.

— И это помню. И думаю, не он стекла выбил..

В избе загалдели, как на свадьбе: вспыхнул жаркий спор. Все были против Андрея, за него твердо стоял на своем один предвика. Василиса хранила загадочное молчанье. Андрей постоял еще немного и скрылся в темноте. Ему надоело слушать свое имя...

Едва гости разошлись по домам, он торопливо приблизился к окнам.

— Василиса!—раздался сдвоенный зов.

— Кто там?—спросила она.

— Это я,—забормотал Андрей.—Ты не подумай плохого. Пальцем не трону. Не я стекла расколотил.

— А я не боюсь тебя,—насмешливо ответила Василиса.—Пошто пришел?

— Так. Поглядеть. Нехорошо с тобой поступил. Я слышал все.

— Спать пора,—зевнула Василиса, безучастная к его посещенью.

— Василиса, я больше не буду пить.

— Мне то что? Пей, не жалко.

Она стала закрывать окна.

— Обожди маленько закрывать. Как детишки?

— Мы не за морем живем. На виду. Боюсь, Дунышка не ослепла бы. Глаз от кнута гноится.

— Не сердись на меня,—жалостно зашептал Андрей.—Давай по хорошему жить?...

Окно с треском захлопнулось. Повесь голову, Андрей побрел улицей. Раздался тягостный, одинокий вздох.

XV.

Он шел, не выбирая дороги, попал в узкий прогон меж огородами и невольно, словно залпнулся, встал, разбуженный от невеселых дум тревожным говором у соседнего дома.

— Вы же просили, отец Спиридон,—недоуме-

вающе звенел тенорок.—Помните, когда про Василису беседовали?

— Все помню, спасибо. Только я передумал,—субнил голос ершовского попа.—Сожалею, что послушал тебя. Не нужно было эту блудницу навещать... Меня, друг ты мой, попадья сейчас прогнала. Отнеси, да отнеси подарки назад. Что ты с ней поделаешь? Встал, взял и понес. Прими обратно. Тут все в целости. Это пудовичек муки, это вот пакет с песком, а чай в пакете. Спасибо... Спокойной ночи.

— Позвольте, отец Спиридон. Какая же причина отказу? Обижаете меня...

— Никакой причины. Попадья велела. Она Василисы опасается...

— Я к вам со всей душой, а вы задом ко мне,—упрекнул тенорок.

— Ничего подобного,—запротестовал поп.—Обстоятельства не позволяют принять дара. Бережного бог бережет. Припутают еще. Суд, да дело. Начнут допытываться до седьмого колена. А потом тоже в газету... До свиданья, спать пора, попадья беспокоиться будет.

Андрей прижался к плетню: мимо проплыла темная фигура. Постояв в раздумьи, Андрей вышел из прогона, повернул влево и направился к ближайшему дому с высоким крыльцом. На нижней сту-

---

пеньке вспыхивала папироска во рту человека в белой рубашке.

— Тимофей,—окликнул Андрей.

— Андрей Иваныч! И вы не спите?—спросил тенорок.

— Ты... что... тут... делаешь?—с расстановкой сказал Андрей.

— Гуляю, Андрюша. Мысли разные. Заботы. Не хочешь ли рюмочку с горя? Коньячишка найдется...

— Не надо. Что у тебя за горе?

— Сам знаешь, какие неприятности. Пропечатали. Можно сказать, верой-правдой, и пожалте...

— К тебе зачем поп приходил?—шагнул к крыльцу Андрей.

— Откуда ты знаешь? Встретил, что ли, ба-тюшку?

— Встретил. Он от тебя шел...

— Нет, он мимо. Вижу, идет. Покурим, говорю, отец Спиридон? Что-ж, говорит, давай покурим...

— Что ты врешь, рыжий чорт?—рявкнул Андрей.

— Андрей Иваныч... Господи боже... да я... да он...

— Зачем поп приходил?—гневно повторил Андрей, схватив собеседника за плечо.—Что за муку приносил, чай, сахар? Говори!...

— Да с чего ты взял? Да что ты, типун тебе на язык!—задребезжал тенорок.

— Не скажешь? Ладно, я сейчас попа спрошу. Андрей быстро пошел от крыльца.

— Андрей Иваныч, вернись,—позвал испуганно тенорок.—Как на духу, все скажу. Идем в дом. По рюмочке выпьем...

Андрей даже не оглянулся.

XVI.

— Дома отец Спиридон?—спросил он, стуча пальцем в крайнее кухонное окно попова дома.— Отоприте, пожалуйста. Дело до него.

Загремел дверной засов. На улицу вышел сам отец Спиридон в белых штанах и калишках на босу ногу.

— Ни днем, ни ночью попу покоя нет,—пожаловался он.—А еще упразднить желает нас советская власть. Пропадете без попа... Что тебе, друг Андрей Иваныч, надо от меня?

— Поговорить надо,—сказал Андрей возбужденно.—В дому нельзя ли?

— В дому?—замялся поп.—Отчего нельзя? Пожалуй, идем. Да. Только лучше бы здесь. Воп на лавочке. Попадья у меня не того... хворает она нынче, весь день плачет...

— Здесь помешать могут,—объяснил Андрей.— В дому желательно...

— Ну, ладно,—сдался поп.—Просим милости в дом... потихоньку, на цыпочках. В кухне посидим...

— Ежели стучать станут, не отпирайте,—предупредил Андрей, когда они вошли в сени и поп начал запира́ть дверь.

— Кто? Зачем стучать? По какому случаю,—струсил отец Спиридон.—Кого боишься?

— Никого не боюсь, по секрету хочу,—поспешил Андрей успокоить.

— Весь день нынче тревоги разные,—бормотал поп, пробираясь потихоньку темными сенями.

Он ввел Андрея в кухню, засветил лампу, показал на лавку:

— Садись, гостем будешь. Угощать нечем. Поздно... Какие такие секреты у тебя?...

Поп вопросительно уставился на Андрея беспокойными глазами.

— Насчет муки я,—сказал Андрей, пытливо глядя на хозяина.

Вздвогнув, отец Спиридон в испуге захлопал веками.

— А что такое? Про какую муку говоришь?

— Приказчик давал вам муки?

— Когда?

— Не знаю когда. Муки, чаю, сахару. Вы не принjali. Назад принесли.

Отец Спиридон заерзал задом по лавке, встал, опять сел и простонал:

— Вот денек выдался!... Слушай, Андрей Иванович. Я все объясню. Я не просил. Он сам. Мы с попадьей подумали—подумали и, действительно, не приняли. Сейчас, дружок, не голодное время.

— Из лавки мука? Бесплатно?—спросил Андрей.

— Ничего не знаю, это меня не касается,—заявил батюшка. Я не просил. Он принес, мы—не надо. Он назад унес.

— Батюшка вы сами ему относили муку,—усмехнулся Андрей.

— Кто тебе сказал? Врут. Не верь!

— Я видел,—безжалостно сказал Андрей.

Отец Спиридон выпучил глаза, распятил рот с гнилыми черными костяшками и отшатнулся к стене, словно его щелкнули по лбу.

— Денек!—прошелестел он сконфуженно.—Беда за бедой. Не зря попадья пророчила неприятность... Вот что, Андрюха. Скажу прямо. Как перед архереем. Верно, сам носил. Нехорошо чужое добро принимать. У меня совесть не купленная. Да!...

— Вы Василису что то поминали?—спросил Андрей, не сводя с попа пытливых глаз.

— Когда?—смутился отец Спиридон.

— А как муку относили. Я своими ушами слышал.

Отец Спиридон рассеянно взял тряпку с шестка, около которого сидел, и начал вытирать обильный пот, размазывая сажу на лбу и на щеках. Потом швырнул тряпку обратно на шесток, махнул рукой, решительно сказал:

— Ладно. Об'ясню и это. Ты муж, обязан знать.

И подробно изложил Андрею просьбу приказчика повлиять на Василису.

— Он добра тебе желал, утаить нельзя. А я... не подумай, что из-за муки.

— Тэ-э-э-к-с!—протяжно произнес Андрей, покачал головой, встал и пошел к двери.

Когда он покинул попов дом, к нему подбежала фигура в белой рубашке.

— Андрей Иваныч, зайди ко мне, я лучше попарастолкую насчет муки.

Андрей отступил влево, размахнулся и громкий звук затрещины раздался в ночной тишине Больших Ершей.

XVII.

Степенные мужики очень недружелюбно стали коситься на окна Зайчихиной избы, если случалось проходить мимо.

В праздники днем и в будни после работ стекались к Зайчихиной избе не один десяток баб.

Зайчихино жилище стало чем то в роде военного

штаба женского сословия в Больших Ершах. Своим смелым поступком Василиса взбаломутила баб, разбудила самых смиренных и покорных. Вокруг Василисы бабы собирались в большой, прочно связанный сноп. К бабам не замедлили примкнуть комсомольцы, которых Василиса, — паперекор мужикам, — описала бабам с самой хорошей стороны. В Больших Ершах жизнь повернулась вверх тормашками.

Коротая досуги, бабы раньше занимались мирными разговорами об удое коровы, о курах, стирке белья и других делах в этом роде. Когда Василиса поселилась у Зайчихи, бабы стали заниматься обсуждением вопросов, которые к бабам никакого касательства не имели, будучи неотъемлемой, издавней принадлежностью мужского сословия. Бабы исподволь, но упрямо стали вторгаться в дела, решать которые могли исключительно мужики. К позору последних, среди них неожиданно обнаружилось значительное число изменников, перебежчиков в лагерь баб и комсомольцев.

Об этом повествовал секретарь правления кооператива, Дема Растатуев, сидя на лужке среди зрителей игроков, которые по случаю воскресенья бились в свои козыри

— Собрать собранье будем, — говорил Дема. — Бумагу принесли в правление. Триста двадцать

подписей. Мишка Коромыслов с мальчишками по дворам ходили. Силком заставляли подписываться.

— Трепли, трепло,—обрезал дядя в синей рубаше с белой заплатой на спине.—Кто меня заставлял?

— И меня не вынуждали,—подтвердил другой.—Своей охотой расписывался.

— Пустое дело затеяли,—лениво известил широкоплечий бородач в новой ластиковой рубаше.—Бабы с мальчишками сбивают. Мужики не дадут своего согласия. Сколько мужиков подписалось?

— Сто двадцать три подписи,—сказал Дема.

— Вот видишь. А нашего брата полтыщи. Прикинь расчетом, чья сила. Ничего не выйдет. Бабники, да гольтепа с мальчишками писали.

— А бабы не в счет?—ухмыльнулся Дема.

— У них книжек нет членских. Пиши, не жалко. Но ежели на голоса ставить, не дадим. Не имеют такого права. Обрубим хвост Василиске.

— Гольтепа!—обидчиво заворчала синяя рубаша с белой заплатой.—Председатель Кузьма Кузьмич, по твоему, тоже гольтепа? Никанор Куренков тоже гольтепа? Фома Фомич гольтепа? А в газете что прописано, не слыхал?

— Мало что пишут в газетах.—зевнул бородач в ластиковой рубаше.—Нечем заниматься кроме, ну и пишут.

— В Дуляпинском кооперативе цена, скажем, гривенник,—у нас одиннадцать копеек,—горячо заговорил дядя в синей рубашке.—Там двугривенный, у нас двадцать одна копеечка.

— Х-хы,—осклабил зубы бородач в ластиковой рубашке.—Велика штука копейка. Коробка спичек ноне две копейки стоит. Нонешняя копейка не бывалошная.

— У кого рублей много, тот не считает копеек, а мы желаем считать,—возразил мужик в заплатанной рубашке.—В Дуляпине кооператив лавку новую выстроил из таких копеек, у нас же приказчик строится, а Топорков в трактирах прохлаждается.

— Не пойман—не вор,—хладнокровно возразил нарядный бородач.—Распирает вас на чужие доходы. Сами наживите. Куликов Тимоша, брат ты мой, и без торговли не пропадет... Потому у него вот в этом месте много,—пальцем по лбу постучал бородач.—По твоему выходит, все правление воры?

— Мы с Захар Петровичем непричем,—поспешно заметил Дема.—Наше дело сторона. Мы не касались торговли. В нашем роду воров не было.

— А в моем роду были воры?—раздался веселый окрик.

Дема обомлел. Увлеченные спором, мужики не заметили, как подошел Андрей.

XVIII.

От него несло вином, Андрей пошатывался.

— Садись, Андрей Иванович,—пригласил нарядный бородач, хлопая ладошей по траве.— Гуляй с нами.

— Н-не желаю, — отказался он. — Хочу на собственных ногах стоять, не привык кланяться. Демка, на, получи полтораста рублей...

Андрей запустил руку в карман, вытащил пачку смятых червонцев и швырнул в колени секретаря.

— Считаю! При всем народе! Братцы, я в кооперативе полтораста рублей украл. Ей-богу! Пропил. Жену пропил, а теперь лошадь пропиваю. Продал. Мальчика на базаре, сто восемьдесят дали. Полтораста вам, тридцать мне осталось. Прощайте. Пойду попа и Тимошку приказчика бить!...

Мотнув лохматой головой, он, спотыкаясь, побрел прочь.

— Ш-што? Говорил я правду?—вскочил дядя в заплатах рубашке.

— Денег то сколько!—зашумели мужики.— Растатувев, верно ли, что полтораста кооперативных он пропил?

— Верно, — робко, смущенно произнес секретарь.

— А молчал!—заскрипел зубами дядя с заплатой на рубахе.—Что же ты молчал, еволочь паршивая. Мы с Захар Петровичем, чу, чисты. Урраббители! Генеу захотели!..

— Не ори, — неожиданно осмелел секретарь.— Сказал Топорков, что внесет недостачу, вот она. Ровно полтора ста.

— Д-дела!—сконфуженно крикнул бородач в новой рубахе.—Оно, действительно, выходит не того... Гм... А я думал, благополучно у них.

— Без толку в газете писать не станут,—заговорили взволнованные голоса.

— Пропал мужик,—сожалел, сказал бородач в новой рубахе.—Лошадь прожил! В самую рабочую пору без лошади! Пропашее дело, расшатал хозяйство.

— А кто виноват?—набросился дядя в заплатанной рубахе.

— Кто?—высокомерно спросил бородач.

— Такие, как ты! Свое добро, небось, бережете, каждый гвоздь считаете, а мирского нежалко. Копейки, чу! Бери, кто хочешь. Был бы свой сундук на запоре! Человек пьянствует и остановить некому. Не наше пропивает, свое, либо ворованное. Нет такого располсженья, чтобы остановить. Мухоморы ядовитые!..

— Распустил хайло!—с пренебрежением сказал нарядный дядя, повертываясь спиной к блюстите-

---

лю мирского добра.—Сам то чего глядел, жалельщик? Копеечник!

XIX.

Перед Зайчихиной избой в это время собралась большая толпа, привлеченная веселым зрелищем плясунов, которые откалывали трепака под гармонь с балалайкой.

В разгаре веселья, торопливо стуча деревянной ногой, пришел предвика Кузьма Кузьмич. Он был красен, словно из бани выбежал. Найдя глазами Василису, сидевшую на завалинке рядом с Зайчихой, предвика поманил Василису к себе.

— Уф, упарился,—сказал он, тяжело дыша.— Иди-ка во двор, новенькое есть...

Василиса последовала за ним.

— Андрей лошадь продал,—тревожно сообщил предвика.

— Мальчика?—горестно ахнула Василиса.

— А, ну его к дьяволу, Мальчика этого,—сердито оборвал предвика.—Другого наживете... С Андреем нехорошо. Из города пьяный пришел. Полтора рубля Демке принес. Растрата у них. Насидели, черти, по трактирам... Мужики сказывали мне об Андрее,—горюет, чу, страсть шибко. Тебя поминал, Василиса. Ты вот что:—будет мотать Андрея, ему теперь поддержка надобна. Поди к нему, около реки он... В омут не бросился бы. Нескладно

выйдет... Выручи человека, довольно с него... Ступай!...

Предвика повернул за плечи Василису и легонько толкнул в спину...

— Не опоздай... У мельницы он.

Василиса попятилась назад, точно увидела перед собой бездонную пропасть, но, посмотрев на сурового Кузьму Кузьмича, храбро шагнула вперед, повернула за угол и мимо огородов побежала к мельнице...

Она нашла Андрея около старой ивы, уронившей в воду поседевшие листья. Андрей сидел на земле, закрыв лицо ладонями.

— Ты что тут?...—строго спросила Василиса.

Он поднял голову, равнодушно поглядел на жену и пьяно пробормотал:

— Не мешай... Думаю я...

— Чего ты думаешь?—невольно улыбнулась Василиса.

— Разное... Про жизнь думаю... Мальчик, ау!... Пропил! Василису тоже пропил...

— Идем домой,—сказала Василиса.—Свалишься в воду.

— Не пойду,—замотал он головой.

— Ну-ну!—властно прикрикнула Василиса.— Вставай!...

Она подошла к нему, взяла за руку, подняла с земли.

— Идем...

И за руку повела к селу. Он послушно шел рядом с ней, закрыв лицо ладонью другой руки, словно стыдясь, что грязен и пьян.

Так они прошли главной улицей Больших Ершей, провожаемые недоумевающими взглядами мужиков и баб...

В избе было сорно, пахло давно нетопленной баней, на столе была посуда из-под вина, хлебные корки, на полу валялись неубранные осколки посуды, разбитой в драке памятной ночью, и веревка, которой Василиса связала тогда Андрея.

Уложив его на голбце, Василиса минутку посидела на лавке—озабоченная, как бы постаревшая, придавленная—потом вздохнула, встала, засучила рукава, подоткнула платье, скинула башмаки, взяла порожние ведра и пошла за водой, чтобы приняться за уборку грязи, которая накопилась без нее в избе.

XX.

Андрей открыл глаза. Его разбудил негромкий, но беспокойный говор. Высунувшись из окна, Василиса беседовала с кем-то на улице.

В умытой избе посветлело: мокрый пол был выскоблен косарем, на стенах видны были следы влажной тряпки, унесшей пыль, оконные стекла весело перемигивались с солнцем, которого не могли загородить движущиеся по стеклам тени бере-

---

зовых густых ветвей дерева перед окнами. Не зная сам—чему, Андрей радостно ухмыльнулся. С блаженной улыбкой, не двигаясь, чтобы не спугнуть Василису, он глядел на ее круглые локти, гибкую спину и на босые ступни маленьких, мускулистых ног.

— Совсем пришла?—допрашивал недовольный голос за окном.

— Погляжу, что будет... Мне Кузьма Кузьмич посоветовал.

— Безногий дурак. Нашла кого слушать! Опять запряг в мужнины оглобли...

— Выпрягусь, ежели что,—сказала Василиса.

— Дело твое, только не обижайся на нас. Вперед говорю. Не будет ему от нас доверья с уваженьем. Не дождетя, даром что муж твой.

— А мне?—спросила Василиса спокойно.

— Ты наша,—ответил голос.—Тебя Кузьма сбил напрасно... Кабы народ увидел, что мы Андрея за старый быт доверья лишаем, а ты не живешь с ним за наше недоверье, тогда высока была бы наша. Все расчеты у нас Кузьма испортил.

— Он боялся, в омут не бросился бы Андрей.

— Туда ему и дорога,—раздалось под окном.— Не маленький—тешить его. С бородой мужик. Х-ха! В омут бросится... Нашли дурака. С кнутом не выгорело, попа подослал. Попа не послушала, давай

стекла бить. А теперь омут! Плутитце он, обманывает тебя...

— Ну, это, брат, врешь,—вскочил Андрей, задетый за живое.

Он проворно спрыгнул с голбца и бросился к окну. С Василисой беседовал комсомолец Коромыслов.

— Врешь, брат,—горячо повторил Андрей.— Никакого попа не подсылал я. Тимошка Куликов схлопотал попа. Спроси сам попа, если не веришь. И стекла не бил. Топиться в омуте тоже не собирался. Выдумываешь, Коромыслов. Какая тебе польза? Не слушай, Василиса! Напраслину валишь на меня, Коромыслов!

Оправдываясь, словно перед учителем нашкодивший школьник, Андрей выложил перед Коромысловым в мельчайших подробностях историю с мукой и свою беседу с попом ночью.

— Ловко спроворено,—вытаращил глаза комсомолец, когда Андрей кончил свой рассказ.—Ах, мать честная! Что же ты молчал, товарищ Топорков? Интересная штучка!... Можно в избу, Андрей Иваныч?... Я сейчас ребят приведу. Вместе обсудим...

Соседи видели, как в избу Андрея вошли пятеро парней под командой Коромыслова, и не придали этому посещенью большого значенья. Василиса дружила с комсомольцами. Но вскоре после ухода

гостей по всему порядку, где стояла изба Андрея, стала известна оглушительная новость. Василиса опять ушла к Зайчихе.

— Что за притча?—растопырили руки мужики и бабы.—Словно в бабки они играют.

— Надобно спросить Андриюху,—решил сосед Топоркова, Ефим Кошкин, раздираемый любопытством, и отправился к Андрею под окно.—Ушла Василиса?—крикнул он хозяину, который весело глядел на него, высунувшись из окна по плечи.

— Ушла,—кивнул Андрей.

— К Зайчихе опять?

— К Зайчихе.

— Поругались?

— Нет. Просто ушла. Комсомольцы не доверяют мне, Ефим Ильич. Она и ушла...

— То-есть как это?—не понял сосед.—Комсомольцы к чему тут?

— К тому, что не доверяют,—пряча в усах лукавую усмешку, объяснил Андрей.—Заслужи, говорит, доверье, тогда стану жить с тобой.

— А ты что?

— Ладно, говорю. Постараюсь заслужить...

— Андрей, как тебе не стыдно?—с укоризной сказал сосед.—Мальчишкам поблажаешь! С ума рехнулся?

— Что поделаешь,—весело ответил Андрей.—Видно уж планида моя такая несчастная...

XXI.

На двери кооператива было объявлено бумажкой, что по случаю учета лавка закрыта, а во вторник вечером, на лугу против кооператива состоится общее собрание пайщиков, перед которыми правление отчитается в кооперативных делах.

В лавке стояла пыль столбом. Секретарь Дема, председатель Захар Петрович и Андрей, в присутствии ревизионной комиссии, торопливо мерили, вешали, считали, проверяли. Похудевший, позеленевший, руки по швам, спина коромыслом, приказчик давал объяснения и самоотверженно трудился в поте лица, если требовалось поднять на весы тяжелую бочку или ящик. Дема с Захаром Петровичем явно скучали за непривычным делом, члены ревизионной комиссии тоскливо поглядывали через окна на солнечную зеленую улицу. Накануне пролился ночью обильный дождь, земля потела под жаркими огнями небесной печки,—нужно было спешить на пашню, а тут в душной, пыльной лавке утери, недочеты, юла-приказчик и безалаберный Андрей, который, мало того, что пропил собственную жену и лошадь, но задал хлопот правлению и членам ревизионной комиссии.

— Откуда духовое мыло взялось?—недоумевал Топорков.

— В лавку поступило от вас,—скороговоркой

отвечал Куликов, пряча бегающие глаза от цепкого взгляда Андрея.

— Покажи счет! В товарной ведомости записано?

В товарной ведомости мыла не находили, счета тоже не было, приказчик врал, изворачивался, Андрей уличал его цифрами, а Дема, уныло бродивший по лавке, с изумленьем восклицал:

— Братцы, полбутылка! Непочатая! Ей-богу, — вон и печать цела. Гляжу, в пшене краснеет что-то. Хвать, — полбутылка.

— Эх-хва! — грустно крякали мужики. — Насажали себе на шею!

— Я, граждане, ни за что не отвечаю, — неизменно заявлял Захар Петрович. — Не касался я их делов.

— Я тоже. — вторил Дема. — У меня в роду воров не было.

— Откуда полбутылка? — в бешенстве допытывался Андрей.

— Не знаю, товар из города поступил, — отказывался приказчик. — Допустимо, подсунул кто-нибудь. По злобе.

Маятник часов на стене лавки немолчимым, безостановочным металлическим стуком откалывал драгоценные секунды от летнего трудового дня, лица мужиков изображали нескрываемое желанье сбежать в поле, а Ильич — Ленин в прищурку, неот-

---

ступно следил с портрета за приказчиком насмешливыми глазами, как бы говоря:

— Попался, мошенник? Вывела тебя Василиса на свежую воду?

Андрей же метался по лавке, ошарашенный недостатками приобретенного и излишками некупленного товара, неведомо как попавшего на кооперативную полку. Истекающий потом приказчик долго крепился, отнекивался незнайством, наконец, не выдержал и сдался.

— Жадность попутала.—заревел он, вытирая ладошами сухие глаза, и грохнулся на колени посреди лавки.—Не буду больше. Копейки вашей не украл,—как перед истинным господом. Своим товаришком только поторговывал...

— Я непричем,—заикнулся Захар Петрович.

— Молчи, лиса старая!—грубо крикнул Андрей.—Кто тебя обвиняет? Ну? На себя все беру. Я виноват. Спился. Так и запишите в протокол. Топорков утопил дело.

И белее муки выбежал из лавки. Дверь за ним так хлопнула, что большое стекло мелкими кусочками посыпалось на пол.

XXII.

После доклада Захара Петровича и председателя ревизионной комиссии Андрей поднялся на стол посреди толпы на лугу перед кооперативом и по-

---

чуял мурашки по спине, встретив тысячу пар глаз,—враждебных, или насмешливых, или полных презренья.

— Не робь, начинай,—подбодрил Кузьма Кузьмич, выбранный в председатели.

Глотая слова, давясь ими, точно кашу прожевывая, он несмело, хриплым голосом стал доказывать Большим Ершам, что не воровал. Через каждые пять-десять слов он набирал в грудь побольше воздуха, чтобы не задохнуться от смущенья. Толпа выжидательно молчала,—загадочная, зловецая.

В вечерней тишине слышен был лай собаки в соседней деревне. Собаки мешали Андрею, он страдальчески морщился, выкрикивал по бумажке цифры, чувствуя что все перепуталось в его голове и говорит он нескладно. Убытков нет, есть даже маленький доход, но...

У Андрея опустились руки и язык примерз к зубам. Он не знал, как объяснить слушателям, что дела все-таки в упадке, а приказчик наживался.

— Много пропил?—подтолкнул окрик из толпы.

— Полтораста,—сконфуженно побагровел Андрей.—Вам сказывали.

— Мало,—крикнул какой-то насмешник.

— Надзору не было,—пролепетал Андрей.— Сам хозяином был.

— Выходит, мы виноваты?—раздался другой голос.

— Я виноват,—громко выкрикнул Андрей и слез со стола, не в силах продолжать.

Его место занял председатель собрания, Кузьма Кузьмич.

— Все виноваты, не один Топорков, граждане,—начал он.—На себя пеняйте.—Общие дела сообща делаются, а наша хата с краю была. Конечно, Топорков не по совести поступил, нельзя так, и мы взыщем по всей строгости советских законов. И с Топоркова, и с правления взыщем...

— Я непричем,—откликнулся Захар Петрович.

— И я,—присоединил свой голос Дема Раста-туев.

— Взятся за гуж, не говори, что не дюж,—повернулся к ним оратор.—На ваше место других сыщем, а за старое вы в ответе. Нечего хвостом вилять.

— Правильно,—хором поддержала толпа.

— И мне попасть может,—утешил правленцев Кузьма Кузьмич.—Кооперацией не шутят, мы через нее хозяйство укрепляем. Топорков сознал вину, нам тоже следует. Мне надобно было по своей линии наблюдать, а я на Топоркова надеялся. Не украдет, дескать, и не ворует,—по его хозяйству видно. Нельзя так, нескладно. А вы, как пайщики, обязаны проверять и поддерживать свою кооперацию. Кто за нас стараться будет? На Куликовых, да на попов Спиридонов плохая надежда.

— Отца Спиридона зачем трогаешь? Он не касался ваших делов!—раздались недовольные голоса.

— Сейчас увидим. Ну-тка, Коромыслов, расскажи нам про попа Спиридона сказочку,—весело ухмыльнулся предвика.

На стол птицей взлетел коновод ёршовского комсомола.

Слушая задорную, бойкую речь скалозуба-комсомольца, мужики поняли, что это было приготовлено на закуску после неприятного разговора. Сотни раскрытых ртов весело грохотали шумным, неутихим смехом, которому вторил ближний лес за рекой.

— Ха-ах-ха-х-ха.—звенели тенора и бабьи голоса.

— Го-го-го.—дико гоготали звучные басы.

— Назад, говоришь, отдал мучку? Василисы попадья напугалась?—раздавались возгласы.—Го-го-го... Ха-ах-ха-ха...

— Вон он!—вскрикнул предвика, ткнув пальцем по направлению к церкви.

Толпа обернулась, как один человек, и пальнула воющим смехом в попов дом, на высоком крыльце которого белел знакомый мужикам полотняный подрясник попа, издали наблюдавшего за мужиками.

— Вношу резолюцию,—объявил Коромыслов, когда все досыта насмеялись.—Наша ячейка предлагает...

Мужики переглянулись. Коромыслов стал читать по листочку бумаги.

— Первое. Гражданину Топоркову, Андрею Ивановичу, за то, что пьянствовал, занимая общественный пост в советской кооперации, а жену свою, гражданку Василису Матвеевну Топоркову, оскорблял побоями, объявить общественное порицанье.

— К чему это?—зашумели в толпе.—Не наше дело. Не надо...

— Надо!—закричали женские голоса.—Не таковские мы...

— Второе.—продолжал Коромыслов.—Старому правлению за халатные дела и опущенья в кооперативе выразить недоверье и назначить перевыборы безотлагательно.

— Это вот дело,—загудела толпа.—Чего смотреть на них?

— Третье. Новому правлению принять меры в отношении приказчика Куликова и направить дело о нем к прокурору.

Кто-то ахнул в толпе.

XXIII.

— Давайте голосовать, граждане!—предложил Кузьма Кузьмич.—Возражений против голосованья нет? Высказаться не желает ли кто?

— Не наше дело семейные дразги разбирать,— послышался раздраженный басок.— Побоев мы не обсуждали. Не относится это к нашему кооперативу.

— Позвольте слово,—выскочил Коромыслов.— Как не относится? Кооперация новый быт строит, а Топорков по старинке женщину унижал и пьянство развел.

— Относится,—подтвердил Андрей громко.— Неправильно я поступал.

— Не относится,—упрямо возразил раздраженный басок.— По бабе соскучился и поешь в одну дудку.

— Голоса покажут, относится ли,—сказал предвика.— Мы Топоркова отдельно голоснем. Голосую, граждане. Кто согласны выразить Топоркову порицанье?

Частокол рук поднялся над головами.

— Много,—одобрительно заметил Кузьма Кузьмич.— Кто против такого порицанья?

Частокол упал, уцелело не больше полсотни рук, сиротливо торчавших по бокам толпы.

— Топорков, объявляю тебе общественное по-
рицанье,—торжественно возгласил Кузьма Кузь-
мич.—Намотай на усы!... Голосую, граждане, насчет
правленья. Кто желает перевыборов?

Частокол снова поднялся,—густой, темный.

— Слезай, Дема, приехали,—поздравил веселый
тенорок.—Извини, Захар Петрович, мы непричем...

— Называйте других на их место,—обратился
к толпе председатель.

— Позвольте слово,—выскочил снова Коро-
мыслов.

— А членскую книжку имеешь?—снова спро-
сил раздраженным басом его противник.

— Сделайте одолжение, вот она,—весело оскла-
бился комсомолец и показал новенькую, чистую
книжку.

— Сговор сделали,—сказал раздраженный ба-
сок.

— Предлагаем пять человек,—забарабанил ком-
сомолец.—Одну женщину, одного от комсомола,
троих от крестьянства: Василису Топоркову, Федо-
ра Жигалкина, Никанора Сладкова, Петра Макее-
ва, Василья Куренкова.

— Куда бабу тащишь?—зазумели мужские
голоса.—Не желаем!... Новости какие!...

— Желаем Василису!—ревом ответил смешан-
ный гул мужских и женских голосов.

— Товарищи-граждане, чего опасаетесь?—лука-

во ввернул предвика.—Бабы не мешали правленью, а дела рассыпались.

— Членска книжка есть у ней?—зыкнул сердито бас.

— Вот она!—поднялась над толпой женская рука.

—Гражданка Топоркова, согласна в правленье?—спросил Кузьма Кузьмич.

Толпа вытянула шеи, насторожилась.

— Согласна!—звучным, спокойным голосом известила Василиса.

— Тьфу! Егор, идем домой, нечего нам здесь делать,—раздалось в гуще толпы...

XXIV.

— Выбраны в правленье,—огласил охрипший предвика и откашлянулся.—Вниманье, граждане.

Перечислив фамилии мужчин Кузьма Кузьмич приосанился, подкрутил усы и молодецки гаркнул:

— Василиса Топоркова!

— Ур-ра!—торжествующе, победно грянули молодые голоса комсомольцев.

— Ну, Василиса, старайся, доказывай советскую женщину,—напутствовал Кузьма Кузьмич.—С тебя началось хорошее дело, не допускай упадку в кооперативе. Твой он, ваш он, бабы... Слышите?

— Слышим,—весело откликнулись бабы.

— Постараюсь.—добавила Василиса.

Румяная от волнения, помолодевшая, она разыскала в толпе Андрея и просто—словно ничего тяжелого не было в их прошлой жизни—сказала:

— Поди домой скорее, грей самовар. К нам гости придут чай пить...

— Сейчас бегу, зови больше народу.—ответил обрадованно Андрей.

Выбился из тесноты и сломя голову помчался вдоль пустынной улицы.

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРОСОЮЗА

КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАТИВНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЦЕНА.

- Кирпичев, Я. — Продашь хлеб кооперативу, накормишь голодного. 28 стр. . . . . 5 к.
- Его же. — По примеру рабочих. Крестьянские общества взаимопомощи в кооперации. 28 стр. . . . . 20 к.
- Конко, В. М. — Как крестьянину выгоднее продавать хлеб. 2-е изд 24 стр. . . . . 13 к.
- Махов, В. — Кооперация и крестьянское хозяйство. 2-е изд. 22 стр. . . . . 10 к.
- Островская, Н. — Для чего нужна кооперация крестьянке. 5-е изд. 24 стр. . . . . 8 к.
- Тихомиров, В. — Как улучшить работу кооператива. Изд. 3-е испр. и доп. 74 стр. . . . . 18 к.
- Тутунов, А. С. — Куриное яйцо. Птицеводство и кооперация. С 12 рис. в тексте 3-е доп. изд 42 стр. . . . . 20 к.
- Фомицкий, В. — Как работает хороший кооператив. Изд. 2-е. 28 стр. . . . . 15 к.
- Его же. — Вопросы пайщика правлению и ревкомиссии на отчетном собрании потребит. общества. 2-е изд. 16 стр. . . . . 7 к.
- Его же. — О чем и как докладывать правлению и ревизионной комиссии на отчетном собрании потреб. общества. 2-е изд. 32 стр. . . . . 15 к.
- Его же. — Торговая деятельность потреб. общества. Изд. 2-е. 64 стр. . . . . 15 к.
- Его же. — Ревизионная комиссия. Что нужно знать о работе ревизионной комиссии пайщику сельского потреб. общества. 27 стр. . . . . 15 к.
- Цинговатов, И. — Что нужно знать из устава своего общества. Справочник для членов общества потребителей. 2-е изд. 31 стр. . . . . 15 к.
- Его же. — Из чего складываются и на что расходуются средства общества потребителей. 77 стр. . . . . 25 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

В 1-й ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ЦЕНТРОСОЮЗА

Москва, Маросейка, д. № 7.

Цена 20 коп.

к

СКЛАД ИЗДАНИЯ

1-й оптово-рознич. книж. магазин Центросоюза

Мос ква, Маросейка, д. № 7. Телеф. 5-97-33.

